

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»
XVIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XVIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**PROCEEDINGS
of the XVIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**2023
Астана**

УДК 001+37
ББК 72+74
G99

«GYLYM JÁNE BILIM – 2023» студенттер мен жас ғалымдардың XVIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XVIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «GYLYM JÁNE BILIM – 2023» = The XVIII International Scientific Conference for students and young scholars «GYLYM JÁNE BILIM – 2023». – Астана: – 6865 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-337-871-8

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001+37
ББК 72+74

ISBN 978-601-337-871-8

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2023**

Каждый народ отличается своими специфическими предпочтениями в еде. Отсюда и возникают разнообразные блюда и их названия. Образные сравнения с течением времени формируются в устойчивые выражения, которые крепко закрепляются в языке и повседневной речи людей. В русском языке большое количество фразеологизмов, в том числе связанных с наименованиями продуктов питания. Наши наблюдения над гастрономической лексикой во фразеологии только русского народа позволяют сделать вывод о частотности использования лексемы «хлеб» в устойчивых выражениях. Они показывают национальное сознание целого этноса и отдельно взятого человека. Хлеб – важнейшее блюдо в рационе человека, поэтому его название навсегда закрепилось в речи русского народа. Это доказано также тем, что по результатам социологического опроса, респонденты всех трех возрастных групп знают выражения со словом «хлеб». Также сделанный анализ позволил выяснить, что фразеологизмы о хлебе могут иметь как положительное значение, так и негативное, а также, в некоторых случаях, могут применяться как с одним, так и с другим акцентом, в зависимости от контекста. При этом респонденты-казахстанцы используют больше выражений с положительным значением.

Список использованных источников

1. Жуков А.В. Фразеологический словарь русского языка (с лексико- грамматическим комментарием) [Электронный ресурс] / А.В. Жуков. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 758 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка (Ок. 57000 слов). – М.: Русский язык, издание 12-е, 1978. – 846 с.
3. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики). – М.: Азбуковник, 2003. – 201 с.
4. Мокиенко В. М. Словарь синонимов русского языка. – СПб.: Норинт, 2003 г. – 608 с.
5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

УДК 8

ПУШКИН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б. ОКУДЖАВЫ

Шульц Юлия Александровна

ivan.kashin.09@mail.ru

Магистрант филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – М. Канафина

Е.М. Мелетинский в полной мере объяснил потребность человека в мифе. Он писал: *«Наука не может, как надеялись позитивисты в XIX веке, полностью вытеснить мифологию, и прежде всего потому, что наука не разрешает такие общие метафизические проблемы, как смысл жизни, цель истории, тайна смерти и т.п., а мифология претендует на их разрешение... Главная цель мифа – поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка...»* [3, с. 25]. Миф нового времени характеризуется тем, что любая человеческая общность невозможна без общих ценностей, которые фиксируются общим базовым смыслом. Этот смысл предлагает культура своим носителям для объяснения назначения их жизни. Поскольку эти смыслы касаются вещей скорее духовных, метафизических, то они невыразимы в словах до конца и не всегда поддаются логическому объяснению. Взамен они лишь обозначаются главным символом той или иной культуры и воплощаются в мифах.

Национальные культурные мифы о «лучшем времени», например, идеализация Англии во времена правления Елизаветы Первой, идеализация викторианской эпохи, времен правления Петра Первого, обнаруживают в своем бытовании общую закономерность. Эта закономерность заключается в том, что в разуме потомков «расцвет» государства на

определенном этапе начинает ассоциироваться с людьми искусства, которые сохранили и увековечили свое настоящее для будущего в совершенной форме. И, наравне с традиционным обозначением «века», по имени правителя, начинает фигурировать второе имя, ретроспективное наименование, такое как «пушкинская эпоха, шекспировская эпоха, век Мольера и т.д. В сознании культуры для формирования образа русского 19-го века, важную роль сыграла канонизация классики. Другими словами, история классической литературы предстает как идеализированный образ национальной истории.

Что касается конкретно мифа о Пушкине в лирике Б. Окуджавы, то среди пушкинианы автора выделяется стихотворение «Счастливчик Пушкин» в 1996 году, которое при первой публикации в 1967 году называлось просто «Счастливчик». Вынося в название разговорное слово *счастливчик*, Б. Окуджава демонстрирует «превосходство» и «везение» Пушкина, которые постоянно подхватываются автором. Понять парадоксальное художественное построение «Счастливчика», приблизиться к интерпретации Б. Окуджавой концепции судьбы Пушкина, поможет «расшифровка» самой интонации стихотворения и установление реальных межтекстовых связей. В начале стихотворения Окуджава выделяет эпитеты-наращения, играючи восходящие к заглавию:

*Александру Сергеечу хорошо!
Ему прекрасно!* [4, с. 211].

Если мы обратимся к сохранным аудиозаписям разных лет, где «Счастливчик Пушкин» звучит в авторском исполнении, то заметим, что слова хорошо и прекрасно звучат с выраженным эмфатическим ударением на гласных. Окуджава создает дистанцию по отношению к тому, кто оценивает счастливого. Далее, поле зрения резко меняется и герой стихотворения сам задает тон:

*... Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,
баба цурился из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки* [4, с. 211].

Угасшая боль в стихотворении демонстрирует «присутствие» Пушкина и разъясняет, теперь с его собственной точки зрения, в чем заключается ранее заявленное «хорошо». Таким образом, *счастливчик* превращается в образ-оксюморон. С одной стороны, этот образ является носителем противоположных состояний (хорошо/больно), с другой стороны, он становится скрещением разных точек зрения (извне/изнутри).

Обращение к *ближней ярмарке* мотивирует игру с жанром балаганного представления. Пушкин как будто выходит на подмости и действует на глазах публики. Простой сюжет вмещает в себя целую жизнь:

*У него ремесло первый сорт
и перо остро.
Он губаст и учён как чёрт,
и всё ему просто:
жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти* [4, с. 211].

По мере раскрытия жизненного спектакля возрастают гротескные эффекты. Символизируя всем известный факт – посмертную уплату царем пушкинских долгов, Б. Окуджава заставляет партнеров *ученого черта* послушно ему подыгрывать ради приближения «счастливого» финала. Тут подтверждается версия о том, что Пушкину «все шло на пользу».

В финале стихотворения появляется единственная прямая отсылка к стихам Пушкина, которая воссоздает самооценку Александра Сергеевича. Умение бумагу мариновать – это отражение устойчивой формулы Пушкина: *«Я на берегу парнасских вод // Любил мариновать поэмы, оды...»*; *«Перу старинной нет охоты // Мариновать летучие листы...»* [5, с. 211].

Структурная сложность счастливчика, которая обусловлена памятью культуры о различных этапах земной и посмертной судьбы А.С. Пушкина, создает развернутую метафору: даже *«кривые толки, шум и брань»* [5, с. 244] становятся достоянием главного героя произведения; воистину все шло ему на пользу, все обращалось к его славе.

Передача мифов о Пушкине-баловне и Пушкине-жертве оборачивается их пересмотром, что не было для Окуджавы основной целью. Главной задачей же писателя была целостная интерпретация судьбы поэта. Движение мысли Окуджавы представлено неявными и скрытыми отсылками к пушкинскому миру. Параллельно диалогу с читателем идет сокровенный диалог с самим Пушкиным. Этот диалог начат уже в первой строфе: *«Александр Сергеевичу хорошо! // Ему прекрасно! // Гудит мельничное колесо, // боль угасла»* [4, с. 211]. Мельница, о которой говорит Окуджава, в зрелом творчестве Пушкина устойчиво связана с темой смерти. Символический смысл получает реальная топография пушкинских мест. *Гудит мельничное колесо* в деревне Бугрово, в окрестностях Михайловского, через эту деревню пролегал дорожка к *ближней ярмарке* у стен Святогорского монастыря. И, поскольку в финале угасшая боль означает смерть счастливчика, становится ясно, что речь здесь идет о месте захоронения, которое Пушкин выбрал для себя сам: *«И хоть бесчувственному телу // Равно повсюду истлеть, // Но ближе к милому пределу // Мне всё б хотелось почивать»* [5, с. 412]. Именно здесь герою Булата Окуджавы *хорошо и прекрасно*.

То, что Пушкин сравнивает, Б. Окуджава в «Счастливчике Пушкине» соединяет. В результате этого возникает неканонический образ бесконечной жизни, именно этот образ очень характерен для лирического мышления Булата Окуджавы. Отличительной чертой его стихотворения является метафорическое бессмертие. Так, у Окуджавы Александр Сергеевич поселяется в родных местах, а весенняя картина стихотворения (*«баба щурится из избы» от солнечного света, «в небе – жаворонки»*) напоминает о майском дне рождения Пушкина.

Важно отметить, что в поэтическом мире Окуджавы «возвращение поэта» означает преодоление смерти: именно такой ценой Александр Сергеевич возвышается над житейским опытом, с точки зрения вечности взвешивает перипетии своей судьбы и *все ему просто*.

Острое чувство трагедии в последних строфах «Счастливчика» - *«...умирать // у Чёрной речки»* [4, с. 212] - усилено фонетическими, такими как, ассонансы и аллитерация и композиционными средствами. Именно через трагедию в последний раз заявляет о себе творческая сущность героя: *«Ему было за что умирать...»* [4, с. 212]. Поэтику стихотворения Окуджавы определяет свободное использование пушкинских образов и мотивов, учитывая бережное отношение Булата Окуджавы к ценностям пушкинского мира.

В заключении хочется отметить, что Юрий Михайлович Лотман, полемизируя по поводу только что законченной пушкинской биографии, говорил, что *«лучше всех Пушкина понял не исследователь, а поэт – Булат Окуджава. В его стихотворении “Александр Сергеевичу хорошо, ему прекрасно...” больше понимания личности Пушкина, чем во многих академических трудах, и я полностью разделяю пафос его последних строк: “Ему было за что умирать у Чёрной речки...”»*; подводя итог, Ю.М. Лотман определил героя своей книги на языке Окуджавы: *«Пушкин мне видится победителем, счастливцем, а не мучеником»* [6, с. 810].

Список использованных источников

1. Александрова, М.А. Об элегии в лирике Булата Окуджавы / М.А. Александрова // Нов. филол. вестн. – М.: РГГУ, 2008. – № 2(7). – С. 94–121.
2. Александрова, М. Поэт и роза: К теме творчества в лирике Булата Окуджавы / М.А. Александрова // Голос надежды: Новое о Булате. – Вып. 4 / сост. А.Е. Крылов. – М.: Булат, 2007. – С. 319–335.

3. Мелетинский Е.М. Миф и XX век // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>. (дата обр.: 01.02.2023).
4. *Окуджавы Б.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. – 131 - 303 с.
5. Стихотворения. Поэмы. Сказки / А. С. Пушкин; [вступ. ст. и примеч. Д. Благого]. – Москва: Художественная литература, 1977. – 133 - 783 с.
6. Лотман, Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман, Ю.М. О русской литературе / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПБ, 1997. – С. 804–816.

УДК 378.1

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФОРМА И СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Элмурат Айдана Берикқызы
aidanaelmurat@mail.ru

Студентка Центрально-Азиатского инновационного университета, Шымкент,
Казахстан
Научный руководитель – Р. Елибаева

С развитием Евразийского экономического сотрудничества происходит возрастание роли русского языка как средства межкультурной коммуникации. Казахстан занимает ведущие позиции в области расширения масштабов Евразийского экономического сотрудничества.

Назрела необходимость определения места и роли русского языка как инструмента межкультурной коммуникации в Республике Казахстан. Важнейшим вопросом языковой политики является реализация гражданами права на развитие родного национального языка.

Одной из задач государственной политики является обеспечение гармоничного взаимодействия казахского и русского языков в области развития межкультурных коммуникаций.

Особенностью казахстанской модели развития национальных языков является то, что каждый этнос имеет возможность развивать свой родной язык в условиях межнациональной стабильности и дружбы народов. Однако в условиях усиления в обществе роли английского языка и роста его популярности среди молодежи, по нашему мнению, стране необходимы, как мы полагаем, популяризация и пропаганда русского языка как формы межкультурной коммуникации.

В связи с этим следует заметить, что в Законе Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», к сожалению, ничего не говорится о роли русского языка как средства развития межкультурных коммуникаций [1, с. 4].

В связи с этим мы полагаем, что роль русского языка заключается в развитии и пропаганде идей Евразийского экономического сотрудничества между Россией, Беларусью и Казахстаном. Как представляется, значимость русского языка заключается в том, чтобы носители данного языка осуществляли деятельность по расширению экономического сотрудничества между Казахстаном, Беларусью и Россией. Ключевое значение для развития русского языка имело бы, на наш взгляд, правовое закрепление статуса данного языка как инструмента межкультурной коммуникации.

Главное условие реализации статуса русского языка в современный период зависит от того, насколько мы сможем гармонично разграничить роль русского, английского и казахского языков в области развития межкультурных коммуникаций. Дело в том, что языковая политика любой страны нуждается в особом правовом регулировании. Безусловно,